

Это не имело смысла.

Невозможно, чтобы никто не знал о ее исчезновении в течение почти суток. Особенно человеку, которому требовались слуги хоть для малейшего движения.

Тем не менее, это произошло.

Кого ему винить? Кого он должен пинать?

Храм, который пригласил ее к себе? Она весь день слонялась без дела. Кучера и сопровождающих, которые вернулись, не сказав ни слова?

Охранников, которые не двигались с места, когда узнали, что она не вернулась домой? Герцог, который весь день находился в поместье?

Элления, которая вернулась домой вечером, навестив Фрейю, и не получила никакого сообщения, пока не легла спать?

Или он сам?

Айзек грубо потер мокрое от дождевой воды лицо тыльной стороной ладони.

В конце концов, виноват был только он один.

Элления разрыдалась, говоря, что это все ее вина, но она никогда не была виновата.

Он сам сглупил, не обращая внимания на то, как обращались с Рудбекией в его же доме, когда он отсутствовал. Большинство слуг Омерты были старыми и преданными.

В частности, главная служанка, которая для Эллении была почти как мать.

Он еще не понимал, насколько суровыми они могут быть по отношению к «нарушителю».

Да и в день его дня рождения, когда произошла та несчастная ситуация, Элления прикрыла собственную служанку из-за того, что та была стара. Он подумал, что именно в этом кроется причина, поэтому оставил все как есть.

Ему не следовало этого делать.

Если бы Рудбекия с самого начала, с первого дня пребывания здесь дала бы о себе знать...

Но они оба по глупости думали, что все наладится.

Казалось, что отрубленная голова Дурахана смеется над ним.

Даже если над ним смеялся мертвец, ему нечего было сказать. Ему нечего было сказать, даже если бы он смеялся над ним за то, что он такой же, как его отец.

Это был просто нелепый самообман, когда он так старался отрицать брак.

Темные глаза снова заблестели.

Точнее сказать, в них был последний облик его жены.

Ее тусклые глаза и бледное лицо.

Рудбекия, у которой никогда не было такого выражение лица.

Когда ее бросили в банкетном зале, когда она не упала сразу с высокой температурой в обморок, когда говорила о чем-то непонятном в конюшне, плача и умоляя не отпускать ее, когда перестала звать его на их первую совместную ночь...

Рот отрубленной головы Дурахана зашевелился, изображая жуткую улыбку. Конечно, это была всего лишь иллюзия.

Была ли у него сейчас галлюцинация? Это было возможно, ведь он не спал почти семь дней. Он знал, что пытался сказать Иван, и что его спутники не могли произнести вслух.

Маловероятно, чтобы Рудбекия была жива где-то в этом лесу.

Тем не менее, Айзек не мог просто попросить их прекратить поиски.

Хотя вероятность этого была невелика, у него не было другого выбора, кроме как отчаянно держаться за мысль о том, что она жива. Монстр, который ворвался в спальню в первую ночь. Водяное чудовище, появившееся в пруду дворца Ангван. Когда она уехала, катаясь на лошади на празднике верховой езды. Когда она так благополучно вернулась.

Свидетельство Сергея. Даже если она была дочерью Папы Римского, ее божественность была меньше, чем у обычных людей.

Вещи, которые он не мог рассмотреть как следует, потому что был ошеломлен другими эмоциями, собирались вместе, вызывая плохие ощущения. Он не знал, что это такое, но не мог

уйти, не узнав.

Он вспомнил свою мать.

Его мать слишком рано покинула этот мир. Забавно, что у него не было другого выбора, кроме как молиться матери, чье лицо теперь тускло светилось в его сознании.

Если бы он никогда больше не смог увидеть ее такой, если бы он никогда больше не смог найти ее, если бы ее слезы, улыбка и сверкающие волосы исчезли навсегда, он бы... Его голова закружилась. Бесчисленные послеобразы затуманивали его взор.

Ее худощавое тело, которое всегда было скрыто платьем. Шрам на спине, ее яркие глаза, голубые, как ясное небо, всегда смотрящие по сторонам... Она всегда улыбалась, даже когда казалось, что она вот-вот разрыдается.

Женщина, которая дрожала, как кролик, но при этом продолжала улыбаться.

Все то, о чем он не мог спросить. То, что он не мог сказать.

Изменилось бы что-то, если бы он сказал ей раньше, что означают для него ее поступки? Все то, чем он не хотел ее обидеть, причиняло ей боль.

И когда он понял, что уже слишком поздно, он отвернулся, потому что слишком сильно хотел быть рядом с ней...

— Господин Айзек.

Паладин с темно-рыжими волосами подошел к нему.

<http://tl.rulate.ru/book/96827/2224402>